

Анна Шилд
Ада Огнева

НЕБОСКРЁБ ДЛЯ МАЖОРА

**Ада Огнева
Анна Шилд
Небоскрёб для мажора**

<https://litres.ru/74515619>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я защищаю московский доходный дом от тех, кто привык покупать целые кварталы. Даниил Радов, наследник строительной империи, приезжает на спорткаре и собирается заменить нашу историю небоскрёбом. Я надеваю ему каску и отправляю таскать мешки. Он отвечает дерзостью и взглядом, который совсем не помогает мне сохранять профессиональную холодность. Ни один из нас не собирается уступать. Но за нашей ссорой уже стоят чужие интересы, и старые стены трещат не только от стройки. Чтобы спасти дом, мне, возможно, придётся впустить в него самого неподходящего союзника.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	44
Глава 6	54
Глава 7	65
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Анна Шилд

Небоскрёб для мажора

Небоскрёб для мажора

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Запах старой сырой извести, горького жженого кофе и свежей типографской кальки встречал меня каждое утро в полуподвале на Сретенке словно самый родной домашний очаг.

Под низкими сводами бывшего купеческого склада восемнадцатого века посетитель первым делом получал в руки щетку: сядешь на лавку, не стряхнув гипс, — унесешь на брюках половину мастерской. Стены из шершавого большемерного кирпича с клеймами царских заводчиков помнили еще звон конных пролетов и крики ямщиков. Из массивных чугунных радиаторов под широкими сводчатыми окнами доносилось мерное утробное бульканье горячей воды. На длинных столах из неструганой сосны в живописном рабочем беспорядке громоздились тяжелые гипсовые слепки маскаронов, жестяные банки с кистями, стальные линейки длиной в метр и ворохи синек с обмерами старой Москвы.

Я стянула с шеи мокрый от мелкого осеннего дождя шерстяной шарф и глубоко, с наслаждением втянула носом густой, плотный воздух мастерской.

В углу у высокого дубового шкафа сердито шипела старенькая рожковая кофеварка. Мой напарник и старший наставник Аркадий Семенович, сухощавый пожилой архитектор с вечно всклокоченной седой шевелюрой и круглыми оч-

ками в черепаховой оправе, осторожно подставлял под тонкую струю темного напитка толстостенную фаянсовую кружку с отбитой ручкой.

— Явилась, гроза недобросовестных застройщиков, — не оборачиваясь, проскрипел он дребезжащим, но теплым басом. — Ты новости с утра открывала, Алена? Наш любимый девелоперский спрут опять выпустил пресс-релиз. Пишут, что исторический центр столицы задыхается от пыльных развалюх, а городу нужны смелые вертикали из закаленного стекла и вентилируемых фасадов.

— Пусть они свои вертикали строят где-нибудь за МКАДом в чистом поле, Аркадий Семенович, — ответила я, сбрасывая на деревянную лавку промокшую брезентовую куртку. — А в Кривоколенном переулке стоит памятник московского модерна девятьсот восьмого года постройки. И пока у меня в руках чертежный тубус и аттестация эксперта, ни один экскаватор к этому фасаду на пушечный выстрел не подползет.

Я подошла к своему огромному кульману, стоявшему в самом светлом месте у зарешеченного окна.

На мне был надет мой привычный рабочий комплект для полевых выездов. Плотная фланелевая рубашка в темно-синюю клетку с закатанными до локтей рукавами, потертые серые джинсы из грубого денима и высокие рабочие ботинки на толстой тракторной подошве со следами засохшей глины на рантах. Густые темно-русые волосы я на скорую руку за-

крутила на затылке в тугой узел и закрепила вместо шпильки граненым латунным рейсфедером. Это была моя давняя университетская привычка со времен учебы в МАРХИ. Никакие модные резинки и заколки не держали эту тяжелую копну, когда приходилось по пояс протискиваться в пыльные слуховые окна чердаков или балансировать на качающихся строительных лесах.

Рядом с кульманом на деревянном крюке висела моя боевая реликвия. Ярко-желтая строительная каска, вся покрытая глубокими царапинами от кровельного железа и белыми оспинами застывшего известкового раствора. Чуть ниже стоял тяжелый черный чертежный тубус с широким брезентовым ремнем, внутри которого плотно свернутыми свитками покоились оригинальные чертежи доходного дома купца Гурьева.

Доходный дом Гурьева был моим главным профессиональным детищем и личной сердечной болью последних шести месяцев.

Шедевр эпохи Серебряного века, возведенный учеником самого Шехтеля в пору расцвета московского зодчества. Четыре этажа изящнейшего северного модерна с текучими асимметричными эркерами, уникальными лепными панно с кувшинками и болотными ирисами, коваными решетками балконов в виде взлетающих чаек и подлинной метлахской мозаикой на полу парадного вестибюля. Дом пережил революционные баррикады, бомбежки сорок первого года и хао-

тичные перепланировки советских коммуналок. Однако теперь над ним нависла куда более страшная, безжалостная и всепоглощающая сила в лице строительной корпорации «Столица Девелопмент».

Эту хищную акулу столичного рынка возглавляла династия миллиардеров Радовых. Отцы и сыновья, привыкшие скупать целые кварталы, продавливать нужные разрешения через высокие кабинеты и закатывать вековую историю города в безликий бетон ради сверхприбылей. Софинансировать стройку собиралась группа Велеховых. На месте дома Гурьева они вознамерились возвести элитный жилой комплекс высотой в пятьдесят этажей с подземным паркингом на три яруса, вертолетной площадкой и панорамным остеклением.

Единственным препятствием на их пути оставалось наше независимое реставрационное бюро и моя подпись в итоговом акте государственной историко-культурной экспертизы.

За последние две недели ко мне трижды подсылали холеных юристов с пухлыми портфелями из крокодиловой кожи. Мне предлагали баснословные гонорары за фиктивную оценку аварийности несущих стен, сулили безбедную жизнь, намекали на карьерные перспективы и возможность уехать на стажировку в Италию. Когда прямые взятки наткнулись на мой ледяной отказ, в ход пошли неприкрытые угрозы. Обещали отозвать лицензию мастерской, натравить пожарную инспекцию, перекрыть финансирование го-

родских грантов.

Но они плохо знали мой характер. Мой дед всю жизнь восстанавливал кремлевские башни после войны, отец отдал сорок лет реставрации фресок в древних новгородских соборах. Во мне текла упрямая, нестигаемая порода людей, для которых подлинный кирпич и вековая история значили в миллион раз больше любых чековых книжек.

— Держи свой допинг, защитница старины, — Аркадий Семенович с глухим стуком опустил передо мной большую картонную кружку, от которой поднимался густой терпкий пар. — Двойной эспresso на темной обжарке. Знаю я твой кофе на бегу, вечно глотаешь остывшую жижу на строительных площадках. Хоть здесь посиди пять минут спокойно.

— Спасибо, Аркадий Семенович, — я благодарно улыбнулась, обхватив ладонями горячий картон. Тепло приятно обожгло замерзшие пальцы. — Посидеть не получится. Через полчаса в Департаменте культурного наследия назначено расширенное заседание экспертной комиссии. Радовы притащили свой липовый отчет о якобы сквозных трещинах в фундаменте. Я всю прошлую ночь просидела в архивах, подняла подлинные гидрогеологические карты участка за девятьсот седьмой год и сверила их с нашими обследованиями. Сквозных трещин, которыми нас пугают, обследование не подтвердило. Фундамент стоит на листовенничных сваях, которые в грунтовой воде за сто с лишним лет окаменели до прочности броневой стали. Если в этот грунт начать вбивать

их железобетонные сваи под небоскреб, поплывет весь квартал вместе с соседними храмами.

Я сделала жадный глоток горького обжигающего напитка. Горечь удержалась на языке. Я придвинула папку с обмерами и вложила поверх лист, на котором вчера обвела красным подложную трещину. Вот с нее и начнем.

— Ты с ними поосторожнее, девочка, — покачал головой старый архитектор, поправляя съехавшие очки. — До меня дошли слухи, что старший Радов передал весь сретенский проект своему единственному сыночку Даниилу. Парню двадцать семь лет, золотой мальчик с дипломом лондонской бизнес-школы, вице-президент холдинга. О его наглости и замашках среди риелторов легенды ходят. Говорят, этот мажор не знает слова «нет» с самого пеленочного возраста. Если ему приглянулась земля, он пойдет по головам, вывернет наизнанку любые законы, но добьется своего.

— Пусть попробует вывернуть меня, — усмехнулась я, аккуратно расправляя на столе тяжелый лист ватмана формата A1. — Я на стройках с семнадцати лет. Видала я таких лощеных мальчиков. У них от первого запаха сырого бетона кружится голова, а от скрипа лесов начинается паническая атака. Разобью его липовые графики за пять минут.

Я склонилась над чертежом, взяв в руку остро заточенный графитовый карандаш.

Перед моими глазами оживал южный фасад дома Гурьева. Каждая плавная линия оконного переплета, каждый лепесток лепного кувшинкового фриза, каждая кованая деталь балконной решетки были изучены мной до микрона. Я наносила на план контрольные точки лазерного сканирования, сверяя высотные отметки карниза. В мастерской воцарилась та особенная, священная рабочая тишина, которую я любила больше всего на свете. Слышно было лишь тихое шуршание плотной бумаги, сухое постукивание капель дождя по железному отливу за окном и размеренное посапывание Аркадия Семеновича, склонившегося над каталогом антикварных изразцов.

На моем рабочем столе рядом со стопкой калек лежал осколок бирюзовой фасадной плитки, бережно завернутый в мягкую фланелевую салфетку.

Это был подлинный фрагмент абрамцевской майолики с углового эркера дома Гурьева. Плотная, тяжелая глина ручной формовки, покрытая глубокой стекловидной глазурью цвета морской волны. Если поднести этот черепок к свету, под тонкой паутинкой вековых трещинок кракелюра начинали переливаться крошечные частицы слюды и кварцевого песка. На лицевой стороне отчетливо угадывался рельефный изгиб лепестка кувшинки.

Я провела подушечкой пальца по гладкой, прохладной поверхности глазури. В этом маленьком кусочке обожженной глины бился живой пульс ушедшей эпохи, тепло человеческих рук и бесконечная любовь к прекрасному.

Радовы и их наемные временщики не видели в этом ничего, кроме старого строительного мусора.

На прошлой неделе их подрядчики уже пытались загнать во двор доходного дома тяжелый колесный экскаватор под видом срочной аварийной замены теплотрассы. Они хотели втихаря, под покровом ночной темноты, снести кованый навес парадного входа и сбить уникальные лепные маскароны с первого этажа, чтобы затем объявить фасад полностью утраченным.

Мне позвонил сторож соседней котельной в три часа ночи. Я выскочила из дома в чем была, на ходу натягивая курт-

ку и вызывая наряд полиции.

Я встала прямо в арочном проезде, перегородив дорогу стальному ковшу своей ярко-желтой строительной каской и развернутым на всю ширину паспортом исторического памятника. Экскаваторщик ревел дизелем, слепя меня мощными фарами, бригадир сыпал отборным матом и размахивал кулаками, но я не отступила ни на шаг. Мы простояли так полтора часа под ледяным дождем, пока наконец во двор с включенными сиренами не влетели две патрульные машины. Тогда варварский наскок удалось отбить, но я прекрасно понимала, что это была лишь мелкая разведка боем перед настоящей войной.

Внезапно эту тишину разорвал свирепый, оглушительный грохот.

Звук донесся со стороны узкого мощеного двора-колодца, отделявшего нашу мастерскую от шумной Сретенки. Это был низкий, утробный, раскатистый рев прямоточного двигателя мощного спортивного автомобиля, помноженный на гулкое эхо каменных стен. Мотор рывкнул так свирепо, словно прямо под нашими окнами выпустили на волю разъяренного хищного зверя. Зазвенели тонкие оконные стекла, с потолочных сводов сорвалась и мягко упала на чертеж щепотка старой сухой штукатурки.

Вслед за ревом мотора послышался пронзительный визг тормозных колодок и яростный треск разлетающегося гравия.

Глава 2

Я замерла с карандашом в руке, сердито нахмурившись. Наш тихий сретенский дворик был пешеходным уголком, куда чужие машины не заезжали годами. Пожилые соседки высаживали здесь бархатцы в старых деревянных кадках, а местные коты мирно дремали на теплых крышках люков.

— Это еще что за явление на крыльях ночи? — проворчал Аркадий Семенович, испуганно выглядывая в форточку.

Я подошла к окну и приподняла край пыльной парусиновой шторы.

Посреди крошечного дворика, нагло перегородив проход к парадному подъезду и сбив колесом старую чугунную урну, стоял хищный матово-серый немецкий спорткар с поднятым складным верхом. Из широких сдвоенных выхлопных труб поднимался сизый пахучий дымок дорогого высокооктанового бензина. Низкий кузов автомобиля лоснился от дождевых капель, на широких литых дисках сверкали алые спортивные суппорты.

Дверь машины распахнулась с легким щелчком дорогого пневматического доводчика.

Из салона неторопливо выбрался рослый широкоплечий парень лет двадцати семи. Он двигался с той абсолютной, не знающей сомнений вальяжностью хозяина жизни, какая вырабатывается исключительно при наличии миллиардного состояния на банковских счетах с самого момента рождения.

На нем было надето расстегнутое длинное пальто из теплого кашемира оттенка верблюжьей шерсти, под которым виднелся тонкий графитовый джемпер фактурной вязки и безупречно сидящие темные брюки. На ногах красовались замшевые ботинки шоколадного цвета, абсолютно не пред-

назначенные для прогулок по осенней московской слякоти. На широком загорелом запястье в лучах тусклого уличного фонаря хищно блеснул массивный корпус платинового хронографа на каучуковом ремешке.

Его темно-каштановые волосы, коротко подстриженные на висках и слегка удлиненные на макушке, лежали в безупречном модельном беспорядке. Правильные, резкие черты лица, волевой тяжелый подбородок с едва заметной дерзкой ямочкой и прямой скульптурный нос выдавали породистую внешность столичного любимца женщин. Однако на этом холемом лице застыло выражение такого безграничного, ленивого высокомерия, что у меня внутри мгновенно вскипела глухая злость.

Следом за парнем из притормозившего следом черного представительского седана торопливо выскочили двое мужчин в строгих темных костюмах с объемными кожаными папками под мышками. Они суетливо раскрыли над головой мажора огромный черный зонт, но тот небрежным взмахом руки отстранил помощников, брезгливо перешагнул через лужу и направился прямо к нашей деревянной двери. В свободной руке он нес высокий стакан капучино.

— На ловца и зверь бежит, — тихо, но твердо произнесла я, чувствуя, как пульс начинает глухо и яростно колотить в виски.

— Алена, заклиная тебя, держи себя в руках, — тревожно зашептал Аркадий Семенович, суетливо пряча под стол

старинные книги. — Это же Даниил Радов собственной персоной. С такими людьми нельзя ссориться на ровном месте. Они сотрут нашу мастерскую в порошок одним росчерком пера.

— Пусть попробует стереть, — я сжала пальцы в кулаки, ощущая, как горячая волна решимости вытесняет любой намек на робость. — Здесь территория ремесла и науки, а не его личный загородный клуб.

В следующую секунду старая дубовая дверь нашей мастерской с грохотом распахнулась настежь, ударившись кованой ручкой о кирпичный косяк.

Вместе с распахнутой дверью в мастерскую ворвался порыв сырого октябрьского ветра и густой, породистый шлейф за пределами дорогого мужского парфюма.

В этом запахе переплетались терпкие ноты сухой кедровой древесины, пряный черный перец, жженный сахар и холодный лоск закрытых элитных клубов. Весь наш скромный мир из запахов старой бумаги, сухой извести и кофейного осадка мгновенно оказался подавлен этим вторжением чужой роскоши.

Даниил Радов перешагнул порог так, словно явился осматривать недавно купленный загон для дворовых собак.

Он даже не подумал вытереть ноги о плетеный коврик у входа. На его мокрых замшевых ботинках оставались жирные комья уличной грязи, пачкающие наш выскобленный деревянный настил. Он скользнул по сводчатому потолку ску-

чающим, пренебрежительным взглядом, скривил тонкие губы и брезгливо дернул плечом в кашемировом пальто.

— И в этом сыром клоповнике заседает независимая историческая экспертиза великого столичного наследия? — произнес он низким, вибрирующим, густым баритоном, в котором звенела стопроцентная привычка повелевать и не встречать возражений. — Боже, тут пахнет плесенью и кладбищем. Где начальник этой богадельни?

Один из его костюмированных спутников торопливо заглянул в планшет с золотым тиснением и полусшепотом подсказал боссу:

— По штатному расписанию ведущий эксперт по объекту на Сретенке — Алена Дмитриевна Воронова. Выпускница МАРХИ, лауреат городских реставрационных премий.

Даниил медленно перевел взгляд на меня.

Его темные, почти черные глаза прищурились с ленивым любопытством сытого хищника, обнаружившего на лесной тропе мелкую серую белку. Он окинул меня взглядом с головы до пят. Задержался на моих заляпанных строительной пылью джинсах, на закатанных рукавах фланелевой рубашки и на латунном рейсфедере, торчащем из растрепанного пучка волос над ухом. В уголках его четко очерченных губ зазмеилась ядовитая, снисходительная усмешка.

— Надо же, какая грозная реставрационная элита, — протянул он, неторопливо подходя к моему кульману и сокращая расстояние между нами. — Я ожидал увидеть сморщен-

ного профессора с академической бородкой, а тут сидит девчонка с карандашом в зубах. Сколько тебе лет, милое создание? Двадцать пять? Двадцать шесть? И ты всерьез возомнила, будто способна остановить проект с бюджетом в восемь миллиардов рублей?

Мое сердце под ребрами пропустило тяжелый, глухой удар, но внешне я не дрогнула ни единым мускулом.

Кровь горячей тугой волной хлынула к щекам, пальцы сами собой сжались на граненом корпусе графитового карандаша так, что тонкий грифель хрустнул внутри деревянной оболочки. Я медленно выпрямила спину, подняла подбородок и посмотрела прямо в его наглые, холеные зрачки с ледяным спокойствием.

— Во-первых, гражданин девелопер, в приличном обществе принято здороваться при входе в чужое помещение, — звонко и отчетливо произнесла я, чеканя каждое слово. — Во-вторых, здесь реставрационная мастерская, а не приемная вашего личного массажиста, поэтому тон сбавьте на пару октав. А в-третьих, если вам не терпится обсудить судьбу доходного дома купца Гурьева, приготовьтесь слушать язык строительной механики, а не язык светских сплетен.

Помощники за спиной Радова испуганно переглянулись, словно стали свидетелями падения метеорита. Никто в их окружении никогда не разговаривал с молодым хозяином корпорации подобным образом.

Усмешка на лице Даниила стала шире, приобретая опас-

ный, хищный оттенок.

Он поставил капучино на край моего чертежного стола, подошел вплотную и оперся широкими ладонями о край сосновой столешницы и наклонился вперед, нависая надо мной всем своим рослым, тренированным телом. Я почувствовала исходящий от него сухой мужской жар. Запах его кедрового парфюма ударил мне в лицо с такой силой, что у меня на мгновение перехватило дыхание. Тонкие волоски на моих предплечьях встали дыбом от этого электрического, давящего напряжения.

— Слушай сюда, девочка, — вкрадчиво, полушепотом заговорил он, и в его голосе зазвучали металлические нотки безжалостной силы. — Давай сэкономим мое драгоценное время. Мне глубоко плевать на твоего купца Гурьева, на его кривые кирпичи и на пыльную лепнину с кувшинками. Этот гнилой сарай пойдет под снос. На его месте поднимется архитектурная доминанта двадцать первого века. Ты прямо сейчас достаешь из ящика свою гербовую печать, ставишь подпись на акте о признании объекта аварийным и аварийно опасным для городской среды, и мы расходимся лучшими друзьями.

Он сделал короткий жест пальцами назад, даже не глядя на свиту.

Один из юристов метнулся вперед, выхватил из папки плотный кожаный бумажник, достал из него тонкий листок гербовой банковской бумаги и с подобострастным поклоном

положил перед Даниилом.

Радов небрежным щелчком пальца отправил бумагу прямо на мой разложенный чертеж южного фасада.

— Это открытый безотзывный банковский чек с гарантией выплаты в любом отделении столицы, — лениво промурлыкал он, глядя мне прямо в губы. — Впиши туда любую цифру с шестью нулями. купишь себе новую одежду, откроешь собственную гламурную студию интерьеров где-нибудь на Патриарших, перестанешь дышать этой могильной пылью. Будь умницей, Алена. Не ломай себе жизнь из-за чужих старых камней.

Я опустила взгляд на плотную белую бумажку с витиеватыми водяными знаками.

Я посмотрела на чек, потом на дедовскую подпись в углу старой кальки. Радов проследил за моим взглядом и нетерпеливо постучал пальцем по пустой строке для суммы. Будто осталось только поторговаться.

Я медленно протянула руку, двумя пальцами взяла чек за самый краешек, словно это была использованная грязная салфетка, и аккуратно опустила его на край стола.

Затем я решительно потянулась к своему черному тубусу.

Щелкнул металлический замок крышки. С сухим шуршанием я извлекла на свет огромный толстый рулон архивных калек и инженерных расчетов, перевязанный грубой джутовой бечевкой. Разорвав узел, я с силой раскатала чертежи прямо поверх чека, прижав углы тяжелыми латунными гру-

зиками для ватмана.

— А теперь открой глаза и посмотри сюда, великий строитель современности, — ледяным тоном произнесла я, переходя на встречное наступление и ткнув стальной линейкой в плотную сетку геометрических линий.

Даниил удивленно вскинул темные брови, явно не ожидая такого поворота.

— Перед тобой гидрогеологический разрез участка между Сретенкой и Кривоколенным переулком, — мой голос зазвучал с безупречной академической твердостью, заставляя даже его юристов вытянуть шеи. — На глубине двенадцати метров проходит древнее подземное русло притока реки Неглинной. Почва здесь представляет собой водонасыщенные пливуны с карстовыми пустотами. Доходный дом Гурьева держится на уникальной системе лиственничных лежней и взаимно компенсирующих арочных сводов, созданной выдающимся инженером начала века. Она гасит вибрации почвы и связывает весь квартал в единое монолитное ядро.

Я сделала шаг вперед, сокращая дистанцию, и посмотрела ему в глаза с уничтожающей уверенностью мастера.

— Ваши проектировщики — бездарные недоучки с купленными дипломами, господин Радов. Они нарисовали котлован глубиной в шестнадцать метров под ваш подземный паркинг. Если вы начнете бурить сваи и вскрывать этот пливун без надежного ограждения котлована, вода найдет выход. Грунтовые воды хлынут в котлован, пласты глины сдви-

нутя, и через сорок восемь часов фундаменты соседней гимназии и храма семнадцатого века треснут пополам. Ваш стеклянный монстр начнет крениться еще на этапе возведения двадцатого этажа, а город получит техногенную катастрофу в самом сердце исторического центра.

Глава 3

В полуподвале повисла абсолютная, звенящая тишина.

Аркадий Семенович за спиной победно крикнул в кулак. Юристы замерли с открытыми ртами, судорожно переглядываясь и не находя слов для возражения. Мои аргументы били с неумолимой точностью сопромата и физики грунтов, против которых любые миллиарды были бессильны.

Лицо Даниила на мгновение окаменело.

Самодовольная насмешка сползла с его губ, сменившись угрюмым, тяжелым недоумением. Он посмотрел на чертеж, затем на графики гидродинамических давлений, вычерченные тушью, и его челюсти сжались так сильно, что на скулах отчетливо проступили желваки. Он явно не был глупцом и мгновенно понял, что перед ним лежит вовсе не эмоциональная девичья истерика, но железобетонный расчет профессионала высочайшего класса.

Но признать поражение перед сопливой девчонкой для наследника строительной империи было немыслимым унижением.

— Красивые сказки для наивных студентов, — процедил он сквозь зубы, пытаясь вернуть утраченный контроль. — Мы закачаем в грунт жидкое стекло под давлением в сотню атмосфер, укрепим периметр монолитной стеной в грунте и построим то, что запланировали. А ты просто набиваешь се-

бе цену, Воронова. Думаешь, я не знаю таких, как ты? Корчите из себя святых бессребрениц, пока сумма в контракте не покажется достаточно круглой.

Он сделал резкое движение вперед, нарушая все мыслимые границы личного пространства.

Его рука в дорогой перчатке из тончайшей оленьей кожи метнулась к моему лицу, явно намереваясь по-хозяйски приподнять мой подбородок за кончик пальцами, словно осматривал очередную покупку.

— Ты подпишешь этот акт, милая. Добровольно или через колено, но подпишешь.

Это стало последней каплей.

Моя реакция опередила мысли на долю секунды. Тело сработало на чистых инстинктах самозащиты.

Тяжелая метровая стальная линейка, лежавшая у меня под правой рукой, с сухим свистом рассекла воздух и с звонким, хлестким хлопком ударила прямо по тыльной стороне его перчатки. Удар был не опасным, но болезненным и оглушительно дерзким.

Даниил отдернул руку с глухим гортанным рыком, его глаза расширились от дикого, неопишуемого шока.

В этот самый миг его левый локоть задел стоявший на краю чертежного стола высокий стакан с горячим кофе на вынос, который он притащил с собой из дорогого городского кафе. Бумажный стаканчик с жалобным хрустом опрокинулся.

Густая, темно-коричневая волна двойного капучино на жирном молоке с пенной шапкой хлынула аккуратно на расстегнутый борт его пальто из верблюжьего кашемира.

Горячая жидкость с шипением впиталась в тончайшую шерсть за полмиллиона рублей, мгновенно расплзаясь отвратительным, грязным жирным пятном по светлому полотну и заливая графитовый джемпер на груди. Капли кофе брызнули на его шелковый воротник и потекли вниз по дизайнерским брюкам.

— Твою мать! — взревел Радов, судорожно отшатываясь от стола и хватаясь за мокрую грудь.

Юристы взвыли в унисон, бросаясь к боссу с пачками бумажных носовых платков, но от их суетливых движений кофейная гуща только глубже въедалась в благородный кашемир, превращая шедевр итальянских портных в половую тряпку.

Я даже не подумала извиняться.

Мой взгляд упал на деревянный крюк у кульмана. Молниеносным движением я сорвала оттуда свою ярко-желтую строительную каску, покрытую слоем белой пыли и въевшейся штукатурки.

Шагнув к задыхающемуся от ярости мажору, я с размаху, обеими руками нахлобучила тяжелый пластиковый купол прямо на его безупречно уложенную модельную шевелюру. Каска с глухим треском села ему на самые брови, слегка перекосившись на правое ухо.

— По технике безопасности нахождение посторонних лиц на проектировочном объекте без средств индивидуальной защиты строжайше запрещено, гражданин девелопер! — отчеканила я звонким, командирским голосом, который гулким эхом отразился от сводов подвала. — А теперь забирайте свой испорченный гардероб, своих карманных адвокатов и убирайтесь вон из моей мастерской! Дверь с той стороны!

Даниил замер столбом.

Картина была достойна кисти великих сатириков. Холерный миллиардер в обляпанном кофе кашемировом пальто стоял посреди реставрационного бюро в строительной желтой каске, съехавшей на лоб, из-под которой на меня смотрели два горящих уголька абсолютной, нечеловеческой ярости.

Аркадий Семенович не выдержал и громко, смачно прыснул в кулак, даваясь душившим его хохотом. За окном на улице уличные зеваки и соседские торговцы цветами уже с откровенным восторгом прижимались носами к стеклу, снимая эпический позор столичного девелопера на камеры мобильных телефонов.

Даниил медленно, с металлическим хрустом в суставах поднял руку и стянул каску с головы.

Его каштановые волосы стояли дыбом, на лбу осталась отчетливая красная полоса от жесткого пластикового ободка. Лицо парня побелело до синевы, ноздри хищно раздувались, а челюсти двигались так, будто он перетирал в порошок гра-

нитные булыжники.

Он подошел ко мне вплотную, наплевав на свидетелей и грязь на одежде.

Мы оказались настолько близко, что его горячее прерывистое дыхание опалило мои губы. В его взгляде уже не было ни грамма ленивого барства. Там полыхала первобытная, бешеная мужская ненависть, смешанная с темным, опасным охотничьим азартом.

— Ты только что совершила главную ошибку в своей жизни, Алена Воронова, — процедил он свистящим, леденящим кровь шепотом прямо мне в ухо. — Клянусь, ты лично приползешь ко мне на коленях. Ты будешь умолять меня принять твою подпись, и я растопчу твою гордость на глазах у всей этой улицы. Запомни этот день.

Он со всей силы швырнул каску на деревянную скамью, круто развернулся на каблуках и стремительно вылетел на улицу, хлопнув дверью с такой силой, что с притолоки посыпалась вековая пыль.

Спустя пять секунд за окном снова взревел форсированный двигатель спорткара, взвизгнули покрышки, и автомобиль с бешеным ускорением умчался прочь по узким переулкам Сретенки.

Тогда, сидя поздним вечером в тишине нашей полуподвальной мастерской под теплым желтым абажуром старой лампы, я еще не ведала, какая циничная мужская драма разыгралась в тот самый час на головокружительной высоте

стеклянной башни в Сити.

Я не слышала глухого басового рокота закрытого клуба на шестьдесят пятом этаже, не видела, как холодные огни ночной столицы растекаются под панорамными окнами гигантской мерцающей бездной. Лишь много недель спустя, когда тайный нарыв лопнет и осколки правды безжалостно вопьются мне в самое сердце, я узнаю каждое слово, каждое оскорбительное движение и каждую ядовитую усмешку той роковой ночи.

В приватной вип-ложе за тяжелыми звукоизолирующими дверями из матовой стали стоял плотный, тяжелый запах дорогого островного виски, сухого сигарного пепла и концентрированного мужского бешенства.

Даниил Радов стоял вплотную к ледяному панорамному стеклу, сжимая в побелевших пальцах массивный хрустальный рокс. Тяжелые куски прозрачного льда с сухим звоном бились о грани бокала, омываемые янтарной обжигающей жидкостью. Его испорченное кофейной гущей кашемировое пальто уже давно отправилось в мусорный бак клубной раздевалки. Теперь он остался в одной расстегнутой на две верхние пуговицы шелковой рубашке глубокого черного цвета. Плотная ткань обтягивала широкие рельефные плечи и напряженную спину, мышцы которой закаменели от бешеной внутренней ярости.

На низком столике из дымчатого стекла непрерывно, с методичностью взведенной бомбы жужжали три смартфона.

Закрытые каналы золотой молодежи столицы стояли на ушах. Короткое, снятое случайным зевакой видео из нашего сретенского двора за считанные часы облетело весь список наследников богатейших фамилий города. Кадры, на которых грозный вице-президент девелоперского гиганта стоит посреди старого подвала с желтой строительной каской, нахлобученной на самые брови, и пятном от капучино на кашемире, набрали рекордные десятки тысяч просмотров. В закрытых чатах инвесторов сыпались ядовитые смайлики с касками и мешками штукатурки, а партнеры по строительному синдикату откровенно интересовались, не собирается ли Радов переквалифицироваться в рядового прораба на побегушках.

Тяжелая дверь ложи с мягким шипением пневматического доводчика отъехала в сторону.

В комнату легкой, скользящей походкой заправского светского хищника вошел Марк Велехов.

Давний, непримиримый клубный соперник Даниила, наследник второй по величине финансово-строительной группы города. Парень с холодными, бесцветными глазами карточного шулера, безупречной белозубой улыбкой и повадками избалованного циника, для которого люди вокруг были всего лишь разменными фишками в бесконечной череде развлечений. На Марке был надет блестящий атласный бомбер винного оттенка, а на среднем пальце поблескивал массивный перстень с редким черным бриллиантом.

Следом за Марком с бокалами коллекционного шампанского ввалились трое завсегдатаев ночных вечеринок, едва сдерживающие душащий их хохот.

Марк вальяжно подошел к стеклянному столику, опустил-ся в глубокое кожаное кресло, закинул ногу на ногу и нарочито громко щелкнул пальцами.

— Господа, минуту молчания, — с театральным пафосом провозгласил Велехов, обводя приятелей сияющим взглядом. — Перед нами стоит живая легенда столичного девелопмента. Покоритель высоток, гроза подрядчиков, великий укротитель городской архитектуры. Радов, браво. Твой выход в строительной каске на брови — это чистый восторг. Я пересмотрел ролик семь раз подряд. Особенно мне понравился момент, когда тебе прилетело железной линейкой по рукам. Скажи честно, ты эту девицу сам нанял для поднятия личного медийного рейтинга или тебя просто прилюдно раскатала девчонка из богадельни?

Толпа за спиной Марка зашлась дружным, громким гого-том. Золотые мальчики прыскали в кулаки, чокаясь тонкими фужерами.

Даниил медленно развернулся от панорамного окна.

В его черных глазах вспыхнул такой ледяной, уничтожающий огонь, что смешки в комнате мгновенно захлебнулись. Он сделал один широкий, бесшумный шаг вперед. Хрустальный бокал в его руке треснул с сухим металлическим щелчком, не выдержав чудовищного напряжения паль-

цев, и несколько янтарных капель упали на темный ворс ковра.

— Еще один звук из твоего поганого рта, Велехов, — глухо, с хриплым рычанием произнес Даниил, впиваясь взглядом в лицо соперника, — и ты полетишь с этой крыши головой вниз без парашюта. Вместе со своими шестерками.

Глава 4

Марк даже бровью не повел, хотя в глубине его зрачков на мгновение промелькнула тень холодной настороженности. Он прекрасно знал, что в ярости Радов не останавливается ни перед какими авторитетами.

— Да ладно тебе, Даня, брось понты, — с вкрадчивой ядовитой усмешкой протянул Велехов, покачивая носком мока-сина. — Правда глаза колет? Весь город знает, что ты обла-жался. Тебя щелкнула по носу обычная сопливая реставра-торша в заляпанных штанах. Ты пришел к ней с пачками де-нег и папиным авторитетом, а ушел с ведром помоев на го-лове и синяком от линейки. Ты потерял хватку, старик. Жен-щины смотрят на тебя как на клоуна с золотой кредиткой. Ты больше не альфа-самец в этой стае. Ты пустое место.

Челюсти Даниила сомкнулись с такой силой, что на вис-ках бешено забились синие жилы. Каждое слово Марка би-ло по воспаленному самолюбию с точностью раскаленного клейма.

Марк неторопливо подошел к встроенному хьюмидору из испанского кедра, достал длинную темную кубинскую сигару и с сухим щелчком гильотины срезал кончик.

— А теперь представь себе лицо твоего батюшки, Александра Борисовича, — с ласковой, ядовитой улыбкой продолжил Велехов, чиркая массивной бензиновой зажигалкой. — Старик Радов тридцать лет строит репутацию самой несокрушимой девелоперской фамилии столицы. Он метит в высшие государственные комитеты по строительству, ведет переговоры с крупнейшими банками страны. И тут выходит утренний дайджест светских новостей. Его единственный наследник, вице-президент холдинга и выпускник престижной лондонской бизнес-школы, получает по лбу реставрационной линейкой от девчонки в заляпанной спецовке и убегает из сырого подвала под свист соседских торговцев.

Густое облако ароматного сизого дыма медленно поплыло к стеклянному потолку ложи.

— Партнеры из синдиката уже шепчутся по углам, Даня. Они задаются вполне резонным вопросом. Если молодой Радов не в силах совладать с одной строптивой архитекторшей на Сретенке, как ему вообще можно доверить управление строительным проектом на сотни миллиардов рублей? Ты потерял лицо. Твои акции как лидера среди нашего поколения сейчас стремятся к абсолютному нулю.

Каждое слово Марка вонзалось в самолюбие Даниила словно раскаленный скальпель.

Он стиснул зубы с такой яростной силой, что в суставах челюсти что-то глухо хрустнуло. Его отец, Александр Борисович Радов, был человеком железной, безжалостной воли советской закалки, не терпевшим ни малейшей слабости. Узнав о подобном позоре, отец мог одним телефонным звонком лишить сына полномочий вице-президента и сослать его контролировать засыпку гравийных карьеров в глухой сибирской тайге.

— Она заплатит за это, — процедил Радов сквозь зубы. — Завтра мои юристы снимут с ее конторы охранный статус. Здание снесут под ноль к концу недели, а эту девку вышвырнут из профессии с волчьим билетом.

— Опять юристы? — Марк презрительно скривился и со смешком откинулся на спинку кресла. — Прятаться за папиных адвокатов против девчонки с карандашом? Какое по-

зорище. Ты расписался в собственной импотенции, Даниил. Ты испугался этой гордячки. Ты прекрасно понимаешь, что как мужчина без своих миллиардов и судебных исков ты для нее пустое место. Она тебя растоптала и вытерла об тебя свои рабочие ботинки.

Радов сделал еще шаг, нависая над креслом Велехова. Воздух в вип-комнате натянулся словно струна перед обрывом.

Именно в эту секунду Марк полез во внутренний карман атласного бомбера и с глухим стуком выложил на стеклянный стол тяжелую связку магнитных карт и массивный брелок из полированного титана.

— Узнаешь эти ключи, Радов? — голос Марка стал тихим, резким и пугающе трезвым.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Даже золотые мальчики затаили дыхание.

Это были ключи от главного трофея их затянувшегося соперничества. Двухуровневый видовой пентхаус на семьдесят пятом этаже соседней башни в Сити площадью в шестьсот квадратных метров. Собственный скоростной лифт, вертолетная площадка на кровле, панорамный бассейн со стеклянным дном и круговая терраса с видом на всю столицу.

Пентхаус в Сити за сто пятьдесят миллионов рублей.

Даниил два года безуспешно пытался выкупить эти апартаменты на закрытых торгах, но Велехов перехватил лот в последний момент, исключительно ради того, чтобы утереть

нос конкуренту.

— Я ставлю этот пентхаус, — отдельно, смакуя каждое слово, произнес Марк, глядя прямо в глаза Даниилу. — Сто пятьдесят миллионов чистой рыночной стоимости. Против твоей тридцатипроцентной доли в проекте набережного кластера. Ставка на стол прямо сейчас.

Даниил замер, медленно переводя дыхание. Доля в проекте набережной стоила не меньше, но для него пентхаус был вопросом высшего престижа и абсолютного триумфа над кланом Велеховых.

— Какие условия спора? — глухо спросил он.

— Условия предельно простые и кристально честные, — хищно оскалился Марк. — Тридцать календарных дней с первого совместного выезда на объект. Ты не подключаешь суды, не используешь силовой снос, не покупаешь ее подпись за деньги. Ты идешь на ее территорию. Ты лично заставляешь эту неприступную реставраторшу Алену Воронову капитулировать. Ты добиваешься ее безоговорочной добровольной подписи на проекте. И самое главное. До истечения тридцатого дня она должна бесповоротно влюбиться в тебя по уши. Доказательство — ее искреннее признание в любви своими собственными губами и ее присутствие рядом с тобой на нашем закрытом юбилейном балу инвесторов на шестидесятом этаже башни.

Марк подался вперед, и его глаза блеснули ледяным азартом.

— Если через тридцать дней в полночь она не подпишет проект или пошлет тебя к черту на глазах у высшего света, твоя доля в набережной переходит ко мне, а ты публично на коленях признаешь перед всей Москвой, что проиграл. Если справишься — ключи и документы на пентхаус твои навсегда. Слабо, Радов? Или прямо сейчас признаешь перед пацанами, что ты сдулся от одного взгляда сретенской девчонки?

Велехов с вызовом протянул вперед раскрытую ладонь с черным бриллиантом на пальце.

Мажоры в комнате замерли, боясь пошевелиться.

Даниил молчал ровно пять секунд. Перед его мысленным взором с ослепительной яркостью вспыхнуло мое лицо. Гордый прямой взгляд карих глаз, дерзко вздернутый подбородок, прядка волос, выбившаяся из-под латунного рейсфедера, и этот сокрушительный удар линейкой, от которого до сих пор ныло запястье. Ни одна женщина в этом мире никогда не смотрела на него с такой ледяной чистотой и неподдельным презрением.

Сломать эту гордость. Заставить ее покориться, подчинить своей воле, увидеть в ее глазах трепет и мольбу о поцелуе. Эта мысль ударила в его кровь мощнейшим зарядом чистого адреналина.

Даниил с яростным оскалом шагнул вперед и с глухим треском обрушил свою широкую ладонь на руку Велехова.

— По рукам, Марк! Готовь чемоданы на выселение из своего пентхауса! Через тридцать дней эта строптивая девка бу-

дет есть у меня с ладони и лично подпишет каждый чертеж!

Марк победно прищурился и достал телефон. Даниил еще долго хвастался перед приятелями тем, как разыграет заботливого помощника; телефон в руке Марка продолжал записывать.

— Фиксирую условия в нашем закрытом чате. Свидетели есть. Устроишь совместные работы — запустим твои тридцать дней. А на юбилейном балу подведем итог.

Утро среды на Сретенке утонуло в липком, сизом осеннем тумане.

Мелкая водяная пыль висела в воздухе плотной взвесью, оседая на потемневших дореволюционных фасадах, кованых вывесках и старых булыжниках мостовой. Город за окнами просыпался медленно, нехотя, под глухой утренний рокот далеких проспектов и редкие гудки спешащих грузовиков коммунальных служб.

Я пришла в мастерскую еще без четверти семь, когда уличные фонари едва начинали блекнуть в мутном рассветном свете.

Всю ночь я почти не сомкнула глаз. Образ холеного наглеца в кашемировом пальто, его ядовитый голос и горящий ненавистью взгляд преследовали меня даже в тревожных коротких снах. Мой разум лихорадочно просчитывал варианты обороны. Я знала повадки крупных строительных хищников столицы. Такие люди никогда не прощают публичных пощечин. Радовы обладали колоссальным финансовым ресурсом,

связями на самом верху и целой армией беспринципных адвокатов, способных растоптать любое независимое бюро.

На мне были надеты мои самые прочные рабочие брюки из темно-серого брезента с вместительными накладными карманами для рулеток и щупов, плотная хлопковая водолазка цвета мокрого асфальта и старый бежевый кардиган грубой деревенской вязки. Волосы я снова закрутила в привычный тугой пучок, закрепив его латунным рейсфедером.

Я сидела над разложенными обмерочными чертежами дома Гурьева, грея озябшие пальцы о горячий бок картонного стакана с крепким американо. Кофе на бегу, купленный в крошечном ларьке у метро Тургеневская, приятно горчи́л на языке, помогая удерживать мысли в ледяной боевой готовности.

Ровно в восемь утра тяжелая дубовая дверь мастерской с треском распахнулась, впуская в полуподвал запыхавшегося Аркадия Семеновича.

Старый архитектор выглядел так, словно только что чудом спасся от стаи голодных волков. Его мокрый плащ был растянут, вязаная шапка съехала набекрень, а в руках он судорожно сжимал толстый белый пакет из плотной гербовой бумаги с красной сургучной печатью.

— Беда, Алена... Настоящая катастрофа, — задыхаясь, прохрипел он, тяжело оседая на деревянную лавку у входа и хватаясь за сердце. — Только что курьер из правительственной экспедиции доставил. Срочное предписание из Департа-

мента культурного наследия и Градостроительного комитета. Радовы включили свои тяжелые рычаги.

Мое сердце сжалось в тугой ледяной комок. Я отставила стакан с кофе и подошла к наставнику.

— Что там, Аркадий Семенович? Они отозвали наш статус экспертов?

— Хуже, девочка... Куда изощреннее, — дрожащими пальцами он сломал сургучную печать и вытащил несколько плотных листов с золотыми гербами столицы. — Они не стали судиться напрямую, это заняло бы полгода. Их юристы протащили экстренное правительственное распоряжение о проведении тридцатидневного совместного предреставрационного аудита объекта.

Я быстро выхватила бумаги из его рук и пробежала глазами по строгим канцелярским строчкам.

Суть бюрократической ловушки была дьявольски простой и смертоносной. Доходный дом купца Гурьева переводился в режим так называемого технического наблюдения на тридцать календарных дней. В течение этого срока представитель генерального инвестора и ведущий эксперт-реставратор обязаны были ежедневно, плечом к плечу, провести полное инструментальное обследование всех конструкций здания — от кирпичных оснований фундамента до стропильной системы кровли.

При срыве графика или отсутствии совместного заключения через тридцать дней вопрос возвращался комиссии —

с одним только отчетом девелопера об аварийности. Нас выталкивали из обследования, а затем собирались использовать собственный подлог как основание для срочного демонтажа. До оспаривания очередной бумаги экскаватор мог добраться раньше нас.

Глава 5

— Они берут нас измором, — глухо выдохнула я, комкая в пальцах край листа. — Они хотят сломать меня лично. Заставить сдаться или сорвать график проверок.

— А самое страшное вот здесь, на последней странице, — Аркадий Семенович ткнул пальцем в графу назначенных представителей.

Я опустила глаза вниз документа.

В графе уполномоченного представителя со стороны инвестиционного пула четким типографским шрифтом значилась фамилия — Даниил Александрович Радов.

В полуподвале повисла гулкая, тягучая тишина.

Было кристально ясно, что этот документ составлялся под его личную диктовку. Вчерашний мажор не стал дожидаться судебных разбирательств. Он создал капкан, из которого у меня не оставалось законного выхода. Отказаться от участия в аудите — значило собственноручно подписать смертный приговор шедевр Серебряного века. Согласиться — значило провести следующие тридцать дней в непрерывном, ежедневном контакте с человеком, который открыто пообещал растоптать мою жизнь.

В эту самую секунду за нашими окнами послышался сухой шелест колес по мокрому гравию.

На этот раз мотор затих почти сразу. Я успела положить

предписание на стол до того, как тяжелые ботинки загрохотали по лестнице.

Дверь мастерской открылась без стука.

Даниил Радов вошел один.

Он придержал за собой дверь, отрезая шум двора, и сразу посмотрел на раскрытое предписание. Проверял, успела ли я прочесть.

Однако его внешний вид разительно отличался от вчерашнего барского образа.

Вместо кашемирового пальто за полмиллиона на нем была надета короткая темно-серая куртка из вошеного непромокаемого хлопка армейского кроя, из-под которой виднелся воротник плотной черной водолазки. На ногах красовались добротные высокие ботинки из матовой кожи на рифленой подошве, вполне пригодные для строительных объектов. Лишь платиновый корпус элитного хронографа на широком запястье да породистый шлейф кедрового парфюма с нотами холодного бергамота напоминали о том, что передо мной стоит наследник многомиллиардного состояния.

Его темные волосы были аккуратно зачесаны назад, на гладко выбритых скулах играли жесткие тени. На красивых губах играла ленивая, сытая, победоносная улыбка хищника, загнавшего добычу на край глубокого обрыва.

Он остановился посреди мастерской, небрежно засунув руки в карманы куртки, и смерил меня долгим, откровенным, раздевающим взглядом.

— Доброе утро, Алена Дмитриевна, — произнес он бархатным, глубоким баритоном, в котором звенела неприкрытая насмешка. — Надеюсь, вы уже успели ознакомиться со свежей правительственной почтой? Готовы провести со мной ближайший месяц рука об руку во имя спасения культурного наследия великого города?

Кровь горячей смолой обожгла мне виски. Внутри все вздыбилось волной яростного протеста.

Он стоял так близко, что я отчетливо видела каждую черточку его породистого лица, насмешливый прищур темных глаз и легкую пульсацию вены на шее. От него исходила такая плотная, концентрированная мужская сила и уверенность в собственной неотразимости, что в комнате словно стало меньше кислорода. Сердце под кардиганом колотилось с бешеной скоростью, но я заставила себя сделать медленный вдох, выпрямить плечи и надеть ледяную маску абсолютной невозмутимости.

— Вы зря радуетесь, гражданин девелопер, — я вышла из-за стола и остановилась перед ним, заслонив предписание. — Вы думаете, что загнали меня в угол своей бумажкой из министерства? Вы глубоко заблуждаетесь. Вы сами полезли в петлю, из которой я вам так просто выбраться не позволю.

Даниил насмешливо вскинул темную бровь, скрестив muscularные руки на груди.

— Вот как? И чем же вы собираетесь меня пугать, бесстрашная хранительница руин? Бросите в меня чернильни-

цу? Натравите на меня вашего почтенного напарника?

— Ничем пугать я вас не собираюсь, — я подошла к своему столу, взяла чистый лист плотной гербовой бумаги и остро отточенное перо с черной тушью. — Вы хотели совместный регламент? Вы его получите. Но на объекте действуют законы реставрационной безопасности, а не правила ваших закрытых ночных клубов. За безопасность полевых работ отвечаю я, и допуск на объект тоже оформляю я. Ваше предписание не освобождает вас от инструктажа и рабочего регламента. Хотите каждый день стоять над душой — подписывайте встречные условия.

Пальцы мои летали по бумаге, выводя четкие, каллиграфические строки.

Радов медленно подошел к столу, оперся бедром о деревянный край и склонил голову, наблюдая за моими движениями с нескрываемым любопытством. Мы оказались плечом к плечу. Расстояние между нами сократилось до полуметра. Я буквально кожей ощущала жар его тела, слышала его ровное, глубокое дыхание. Запах кедра и горького шоколада кружил голову, заставляя внутренности сжиматься в тугую, сладкий и пугающий узел.

Я закончила писать, поставила жирную точку и с сухим шорохом развернула лист прямо перед его глазами.

— Читайте внимательно, господин инвестор. Это ваши правила выживания на следующие тридцать дней.

Даниил опустил глаза на текст, и его улыбка начала мед-

ленно, сантиметр за сантиметром таять.

— Пункт первый, — звонко отчеканила я, глядя ему прямо в переносицу. — Физическая дистанция. Строго расстояние вытянутой руки во все время проведения аудита. Никаких нарушений личных границ, никаких панибратских жестов, попыток прикосновений или неуместных двусмысленных намеков. Любое нарушение фиксируется в рабочем журнале. Попробуете давить на эксперта — этот журнал ляжет на стол комиссии вместе с заключением.

Даниил усмехнулся, но в его глазах блеснула опасная искра.

— Бойтесь не устоять перед моим обаянием, Алена Дмитриевна?

— Боюсь испачкать одежду о вашу дешевую самоуверенность, Даниил Александрович, — парировала я, не моргнув глазом. — Слушайте дальше. Пункт второй. Жесткая трудовая дисциплина. Смена на объекте начинается каждое утро ровно в семь ноль-ноль. Без опозданий. Опоздание хоть на одну минуту я заношу в журнал. И тогда комиссии придется спросить о срыве графика с вас, а не с нашей мастерской.

Радов нахмурился. Привычка спать до полудня после ночных тусовок явно не вписывалась в такой суровый график.

— Пункт третий, — продолжила я с нарастающим торжеством в голосе. — Личный физический труд. Вы заявили как уполномоченный представитель, значит, будете работать лично. Никаких секретарш, переводчиков стрелок и помощ-

ников с зонтиками. Вы лично спускаетесь со мной в заваленные подвалы, лично простукиваете кирпичную кладку фундамента, лично лезете в пыльные стропила чердаков и таскаете измерительные приборы. Нахождение на площадке допускается строго в рабочей спецовке и средствах индивидуальной защиты.

— И наконец, пункт четвертый, — я победно прищурилась. — Конфискация средств связи. Во время смены все ваши смартфоны, планшеты и умные часы запираются в сейфе прорабской. Никаких звонков партнерам, никаких биржевых сводок и никаких социальных сетей. Полная концентрация на историческом объекте. Нарушение любого пункта — немедленный разрыв соглашения с официальной фиксацией вашей некомпетентности в Департаменте.

В мастерской воцарилась гробовая тишина.

Аркадий Семенович у двери восхищенно открыл рот, переводя взгляд с меня на окаменевшего девелопера.

Условия были драконовскими, беспощадными и абсолютно унижительными для избалованного миллиардера. Я была уверена, что сейчас его мажорская гордость взорвется, он швырнет бумаги мне в лицо и с проклятиями вылетит вон.

Лицо Даниила напряглось.

Его скулы побелели, в глазах закрутился темный, бешеный водоворот ярости и упрямства. Он дважды перечитал пункт о личном труде, потом перевел взгляд на мои испачканные пальцы. Я решила, что он прикидывает, сколько про-

держится без помощников. Истинную цену его упрямства мне еще предстояло узнать.

Его челюсти сжались с глухим скрежетом.

Затем, к моему неописуемому изумлению, его губы медленно дрогнули. На лице Даниила расплылась дерзкая, шальная, поистине дьявольская усмешка игрока, принявшего смертельный вызов.

— Жестко играешь, Воронова, — тихо, с хрипловатой ноткой произнес он, подаваясь вперед. — Очень жестко. Но если ты думаешь, что испугала меня пылью и ранними подъемами, ты очень плохо меня знаешь.

Он протянул руку, взял со стола перьевую ручку.

В этот момент его пальцы случайно, вскользь коснулись моей открытой ладони.

Меня словно прошибло мощным электрическим разрядом в сотню вольт.

Жар от его сухой, горячей кожи мгновенно прошел руку до самого плеча, отзывшись в груди судорожным, сладким перехватом дыхания. Я вздрогнула, отшатнувшись на пару сантиметров, и наши взгляды скрестились в ослепительном, звенящем поединке. Его темные зрачки расширились почти на всю радужку, отражая огонь настольной лампы. В них читалось такое откровенное, первобытное вожеление и охотничий азарт, что у меня по спине пробежала стая ледяных мурашек.

Даниил не отвел взгляда. Он размашистым, хищным дви-

жением поставил свою тяжелую подпись внизу протокола и с глухим стуком опустил ручку на стол.

— Я принимаю твои правила, Алена, — прошептал он, и его голос проник в самые глубины моего существа. — Но запомни. Через тридцать дней этот дом станет моим. А вместе с ним капитулируешь и ты.

Я гордо вздернула подбородок, подавляя бешеную дрожь в коленях.

Нагнувшись под стол, я достала из нижнего ящика комплект грубых брезентовых комбинезонов синего цвета и с глухим стуком шлепнула их на столешницу. А поверх них водрузила ту самую вчерашнюю ярко-желтую строительную каску со сколами и царапинами.

— Завтра ровно в семь ноль-ноль утра у парадного подъезда дома Гурьева, господин Радов, — ледяным тоном отчеканила я. — И не забудьте надеть каску. Посмотрим, сколько часов вы выдержите в настоящем деле.

Даниил коротко усмехнулся, бросил долгий, обжигающий взгляд на мои губы, круто развернулся и вышел в сырое осеннее утро.

Дверь закрылась.

Я тяжело оперлась ладонями о край чертежного стола, чувствуя, как подгибаются ноги, а сердце колотится где-то в горле. В воздухе все еще витал его кедровый парфюм, а на бумаге сохла черная подпись.

Таймер на тридцать дней был запущен. Наша война началась.

Глава 6

Октябрьский туман над Сретенкой пах мокрым гранитом, прелыми липовыми листьями и дизельной гарью старенького генератора. В семь утра переулки за собором еще только просыпались, кутаясь в серую холодную хмарь, но в глухом дворе дома купца Гурьева жизнь уже звенела железом, глухо ухала падающими брусьями и плескалась мутной извештковой жижей.

Я стояла у кованых ворот с облупившейся черной краской, прижимая локтем к боку тяжелый чертежный тубус. В правой руке остывал картонный стакан с дешевым фильтрокофе из пекарни на углу, а левой я сжимала планшет со сводной ведомостью реставрационных работ. На мне была плотная брезентовая ветровка, испачканная суриком еще в прошлом сезоне, стоптанные рабочие ботинки с железными носками и стандартная белая каска инженера, плотно сидевшая на собранных в узел волосах.

Доходный дом Гурьева, шедевр московского модерна тысяча девятьсот восьмого года, сейчас больше походил на раненого великана. Фасад третьего этажа скрывала пыльная изумрудная сетка, из-под которой сиротливо проглядывали изувеченные барельефы. Уникальный лепной фриз с маскаронами речных нимф и переплетенными листьями аканта требовал немедленного спасения. Если бы до первых заморозков мы не укрепили сыплющийся известковый слой специальным составом и не сняли слепки для мастерской, весенняя оттепель смыла бы столетнюю пластику прямо на тротуар.

И именно этот памятник архитектуры руководство девелоперского фонда решило превратить в предмет нашего дурацкого тридцатидневного договора.

В узкий створ арки с приглушенным сытым урчанием вплыл черный лакированный седан. Он двигался плавно, словно хищная акула в аквариуме, с трудом протискиваясь

между горами строительного щебня и штабелями поддонов. Возле бытовки машина плавно замерла. Водитель в черной куртке выскочил наружу, чтобы распахнуть заднюю дверцу, но пассажир уже выбрался сам.

Даниил шагнул на разбитый асфальт так, будто спускался по трапу личной яхты прямо на Лазурном берегу.

На нем было расстегнутое темно-серое пальто из плотного кашемира, под которым угадывался тончайший свитер от-тенка графита, отутюженные темные брюки и безупречные замшевые ботинки с белоснежным рантом. На его лице играла сытая, невыносимо самодовольная ухмылка человека, привыкшего повелевать миром одним движением брови. В правой руке он небрежно крутил новенький флагманский смартфон в матовом титановом корпусе. От него за пять шагов веяло морозным воздухом, горьким бергамотом и ароматом тех закрытых клубов, где входной билет стоит как полугодовой бюджет нашего скромного бюро.

Он мазнул взглядом по облупленной стене, по заляпанной цементом бетономешалке и поморщился, заметив у носка своего ботинка лужу ржавой воды.

— Воронова, — протянул он своим бархатным, глубоким баритоном, в котором звенела неприкрытая насмешка. — Я искренне надеялся, что твое царство древней пыли выглядит чуть более презентабельно. Почему здесь пахнет мокрой траншеей и позавчерашней штукатуркой? И где специально обученный человек с моим утрением латте?

Я медленно сделала глоток обжигающего, горького кофе и прищурилась.

— Вы опоздали на семь минут, Даниил Александрович. На стройке это считается либо саботажем, либо признаком вопиющего непрофессионализма.

— Я приехал на собственном автомобиле и потратил эти семь минут на изучение квартального отчета по Сити, — лениво парировал он, подходя ближе и останавливаясь ровно в полутора метрах от меня. — Мое время стоит примерно полмиллиона рублей в час. Считай это щедрым благотворительным взносом в твой кружок любителей потрескавшихся кирпичей. Где подписать бумаги о моем триумфальном прибытии?

— Сначала инструктаж, — я поставила кофе на подоконник бытовки и раскрыла журнал. — Семь минут опоздания уже записаны. — Вы находитесь на объекте повышенной опасности, имеющем статус памятника культурного наследия. Согласно четвертому пункту нашего соглашения, вы обязаны строго следовать техническому регламенту и распоряжениям ведущего архитектора. То есть моим.

Даниил усмехнулся, скрестив руки на груди.

— И что гласит твой суровый регламент, Алена Дмитриевна? Меня ждет персональная лекция об эстетике модерна за чашкой чая в теплой конторе?

— Регламент гласит, что на площадке запрещено празднично шататься в одежде для модных показов, отвлекать специ-

алистов и нарушать правила техники безопасности. Правило первое.

Я закрепила планшет под мышкой, шагнула вперед и протянула освободившуюся ладонь.

— Смартфон.

Его темные брови взметнулись вверх. На лице мелькнуло искреннее, неподдельное изумление.

— Что, прости?

— Телефон сдаем, Даниил Александрович. Сюда, в руки.

— Воронова, ты бредишь? На этом аппарате завязаны инвестиционные комитеты, котировки и три девелоперских проекта на западе столицы.

— На этом аппарате вы будете ловить уведомления из социальных сетей и считать минуты до побега, — отрезала я без тени улыбки. — На действующем объекте руки мастера должны быть абсолютно свободны. Человек, уткнувшийся носом в экран под стрелой лесов, рискует получить куском кирпича по темени. Мне трупы на участке не нужны, отчетность перед министерством и без того чудовищная. Телефон отправляется в металлический ящик в бытовке прораба. Получите ровно в семнадцать ноль-ноль при условии успешного выполнения дневного наряда.

— А если я откажусь? — его голос стал тише, опаснее, в нем прорезался властный металл крупного руководителя.

— Если вы откажетесь, ворота за вашей спиной открыты. Я немедленно вношу в вахтенный журнал запись о сры-

ве инспекционного надзора по вине инвестора, выставляю неустойку и аннулирую договор. И весь ваш совет директоров узнает, что великий девелопер сбежал при виде первой строительной лужи.

Даниил замер. Желваки на его точеных скулах отчетливо дернулись. Он покосился на открытые ворота. Я уже приготовила карандаш над графой прибытия, и он заметил это. Выходить от нас побежденным второй раз подряд ему явно претило.

Он медленно, с показным презрением протянул мне тяжелый корпус из темного титана. Наши пальцы случайно соприкоснулись. Его кожа была горячей, сухой и гладкой, без единой мозоли, пахнувшей дорогим кремом после бритья. Я ощутила мгновенный электрический укол под ребрами, но усилием воли сохранила совершенно невозмутимый вид.

— Запомни этот жест, Воронова, — негромко процедил он, прожигая меня взглядом. — Вечером ты вернешь его с глубокими извинениями.

— Посмотрим, — бросила я и безжалостно спрятала его сокровище в глубокий карман брезентовой куртки. — Правило второе. Экипировка.

Я повернулась к навесу у стены склада и жестом подозвала дежурного слесаря дядю Гришу. Тот уже ухмылялся в седые прокуренные усы, держа на весу толстую серую куртку из грубой парусины и пару парусиновых штанов пятьдесят четвертого размера. Вещи повидали немало ремонтов, на ру-

кавах застыли серые потеки цементного раствора, а от ткани густо разило машинным маслом, соляжкой и сухим табаком.

— Прощу переодеться, — указала я на фанерную выгородку.

Даниил окинул брезентовую броню взглядом, полным неподдельного ужаса.

— Ты предлагаешь мне натянуть это рубище прямо на монгольский кашемир? Этот свитер соткан вручную, Воронова. Он стоит больше, чем весь твой инструмент вместе с тубусом.

— Можете снять свитер и остаться в футболке, — великодушно предложила я. — Правда, в перекрытиях гуляет сыркой сквозняк, а температура около пяти градусов тепла. Решать вам. Но в чистом пальто я вас на второй этаж не пущу. Пыль там стоит такая, что ваш драгоценный кашемир превратится в войлочную тряпку за двадцать минут.

Он шумно выдохнул сквозь зубы, стянул пальто и бросил его на заднее сиденье своей машины через опущенное стекло. Затем рывком выхватил из рук дяди Гриши парусиновую куртку и натянул ее прямо поверх графитового свитера.

Зрелище получилось монументальное. Куртка висела на нем мешком, широкие брезентовые рукава полностью закрывали холеные ладони, а подол доставал почти до колен. Единственное, что спасало ситуацию — это его широкие плечи и гордая осанка, которую не могла убить даже прорабская роба советского образца.

— Довольна? — с ядовитой вежливостью поинтересовался он, отряхивая рукав, с которого тут же полетели сухие серые чешуйки.

— Почти. Главная деталь защиты.

Я сняла со гвоздя ярко-оранжевую пластиковую каску. Внутренний обод оказался распущен на самый большой размер, а механизм регулировки туго проворачивался от засохшей пыли.

Я подошла к Даниилу вплотную. При моем росте метр шестьдесят пять мне пришлось встать на цыпочки, чтобы дотянуться до его макушки. Даниил стоял неподвижно, глядя на меня сверху вниз с высоты своих ста восьмидесяти пяти сантиметров. От него пахло теплом, хорошим мылом и явным раздражением, но он не отстранился.

Я аккуратно нахлобучила оранжевый купол ему на голову.

Разумеется, каска отказалась садиться ровно. Свободный обод соскользнул по его густым шелковистым волосам, и тяжелый козырек съехал набок, задорно перекосившись над правым виском. Получился потрясающий гибрид светского льва с обложки глянцевого журнала и лихого разнорабочего после бурных выходных.

Я не выдержала и громко фыркнула в кулак.

— Воронова, — предостерегающе произнес он, пытаясь дернуть головой, отчего оранжевая посуда съехала еще ниже, теперь уже на левую бровь. — Если ты сейчас же не прекратишь хихикать, я заставлю тебя лично гладить мой

свитер.

— Не двигайтесь, Даниил Александрович, — давясь смехом, выговорила я, поправляя пластиковый край. — Это же чистый модерн. Асимметрия, динамика линий, бунт против академических канонов. Вам безумно идет. Мужественно, сурово, сразу видно серьезного девелопера на передовой строительного фронта.

— Очень смешно, — проворчал он, безуспешно пытаясь подтянуть дужку под подбородком длинными пальцами. — С карнавалом покончено? Где мое рабочее место? Где стол с чертежами?

— Стол с чертежами ждет вас наверху, в мастерской. Но туда еще надо добраться. А пока у нас возникла небольшая производственная заминка.

Я развернулась и повела его в глубину двора, где под навесом из синей пленки громоздились деревянные паллеты. На них ровными рядами лежали тяжелые крафтовые мешки с надписью «Гипс формовочный скульптурный марки шестнадцать».

— Грузовой подъемник в восточном крыле приказал долго жить полчаса назад, — бодро доложила я, постучав концом тубуса по верхнему мешку. — Сгорела обмотка лебедки, электромонтер приедет только к обеду. А реставраторам на втором этаже раствор нужен прямо сейчас. Они зачистили потолочные тяги и ждут смесь для отливки утраченных фрагментов карниза.

Даниил медленно перевел взгляд с мешков на меня. На его лице проступило мрачное подозрение.

— И что из этого следует?

— Из этого следует, что тридцать мешков гипса должны оказаться на втором этаже через час. Временная лестница в торце крыла широкая, ступени крепкие. Перчатки дядя Гриша вам выдаст.

Секунд десять царил абсолютная тишина. Слышно было только, как в лужу с жестяного карниза капает вода и где-то на Садовом кольце надывается сирена скорой помощи.

— Воронова, — заговорил он медленно, отдельно, словно объяснял прописную истину капризному ребенку. — Я инвестор. Я руковожу строительными холдингами, подписываю контракты на десятки миллиардов и нанимаю генеральных подрядчиков. Подрядчики нанимают субподрядчиков, а те нанимают бригадиров, у которых в подчинении сотни разнорабочих. Я не таскаю мешки. Физически. Никогда в жизни.

— В договоре написано, что вы проходите стажировку в качестве помощника ведущего реставратора, — невозмутимо напомнила я, постукивая карандашом по планшету. — Помощник делает то, что необходимо для спасения объекта. Прямо сейчас объекту нужны вовсе не ваши миллиарды. Ему жизненно необходим этот гипс наверху. Если смесь не замешать вовремя, грунтовка пересохнет, график работ полетит к чертям, и мы сорвем согласованный с департаментом

срок. А вы же радуете за соблюдение сроков, правда?

Глава 7

— Я могу вызвать сюда роту грузчиков по щелчку пальцев, — процедил он, доставая руки из безразмерных рукавов. — Десять человек приедут через двадцать минут и занесут эти твои кули на крышу вместе с бетономешалкой.

— Чужие люди без допуска на объект реставрации не зайдут, — отрезала я. — Охрана памятников требует поименных списков, заверенных печатью за трое суток. Так что выбор у вас невелик. Либо вы подтверждаете, что ваши хвальные тренировки в элитном фитнес-клубе годятся только для красивых фотокарточек, либо берете мешок и несете.

Даниил прищурился. В глубине его зрачков полыхнуло то самое уязвленное мужское упрямство, на которое я втайне и рассчитывала. Богатые мальчики терпеть не могут, когда сомневаются в их силе.

— Сколько весит один? — бросил он коротко.

— Сорок килограммов чистого веса. Не считая крафтовой бумаги.

— Всего-то? — он презрительно хмыкнул, шагнул к паллете и небрежно дернул плечами под парусиной. — Я в тренажерном зале на набережной становую тягу сто шестьдесят делаю без пояса. Отойди в сторону, реставратор, не мешай взрослому человеку работать.

Дядя Гриша молча протянул ему пару грубых нитяных

перчаток с синими резиновыми пупырышками на ладонях. Даниил брезгливо натянул их, подошел к штабелю, перехватил верхний мешок за углы и резко рванул на себя.

Раздался глухой хлопок.

Из клапана мешка под давлением вырвалось плотное белое облако тончайшей гипсовой муки. Пылевой заряд ударил Даниилу прямо в лицо и грудь.

Он поперхнулся, закашлялся и отшатнулся, выронив груз обратно на поддон. Оранжевая каска тут же съехала ему прямо на нос, окончательно лишив его обзора. Когда он судорожно сорвал ее и бросил под ноги, я едва удержалась от того, чтобы не прислониться к стене от смеха.

Его идеальная трехдневная щетина, брови, густые ресницы и лоб покрылись ровным слоем алебастровой пудры. Он выглядел как античный бюст римского патриция, которого только что грубо вытащили из мешка с мукой. Только глаза сверкали сквозь белый налет живым яростным пламенем.

— Черт поберей эту дрянь! — прохрипел он, отплевываясь и пытаясь утереть нос брезентовым рукавом, отчего только размазал белую кашицу по щеке.

— Первый урок материаловедения, господин инвестор, — ласково пропела я, поднимая с земли его каску и смахивая с нее гипсовую пыль и передавая ее обратно. — Скульптурный гипс мелкого помола — субстанция коварная и текучая. Это вам не чугунный блин на хромированном грифе. Мешок живой, центр тяжести у него гуляет, а воздух выходит через

клапан прямо в лицо любопытным. Брать надо в обхват, прижимать к корпусу и поднимать ногами, а не поясницей. Грыжа в смету не заложена.

— Без твоих ценных советов разберусь, — прорычал он глухо.

Он упрямо вытер лицо тыльной стороной перчатки, надел каску и подошел к паллете снова, присел на корточки и обхватил тяжелый бумажный тюк мощными предплечьями. Мышцы под графитовым свитером натянулись канатами. Он крикнул, подался назад и слитным, сильным движением взвалил сорокакилограммовый тюк себе на правое плечо.

Брезентовая куртка затрещала в проймах, но выдержала. Оранжевая каска снова предательски накренилась над ухом, но Даниил уже не обращал на нее внимания. Его челюсти были стиснуты так, что на скулах вздулись желваки.

— Куда нести? — процедил он сквозь зубы, удерживая равновесие на разбитом гравии.

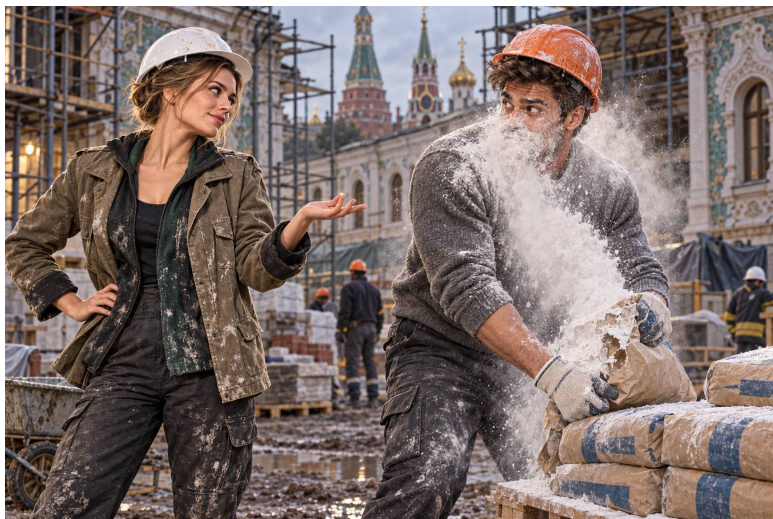
— За мной, — скомандовала я и пошла впереди, указывая дорогу тубусом.

Вход в дом встретил нас прохладной тишиной и запахом вековой пыли, сырой извести и прелого дерева. Мы поднялись по широкой парадной лестнице с остатками чугунных перил. Ступени под ногами жалобно скрипели. Я шла впереди, внимательно глядя под ноги и контролируя каждый его шаг через плечо.

Даниил держался поразительно стойко. Дыхание его сби-

лось уже на десятой ступени, плечи дрожали от непривычной, вязкой нагрузки, но он не остановился ни на секунду. Пыль от мешка летела ему за шиворот, забивалась в нос, оседала на шее, смешиваясь с выступившим потом. Белоснежный рант его модных ботинок превратился в серые комья грязи.

На площадке второго этажа он с грохотом сгрузил мешок на деревянный настил возле корыта для замеса. Белое облако снова взметнулось к высокому лепному своду, окутав нас обоих.

Даниил уперся ладонями в колени, шумно, жадно хватая

ртом воздух. Грудь его ходила ходуном. Каска сползла на затылок, удерживаясь каким-то чудом на самом кончике макушки.

— Один, — выдохнул он хрипло, поднимая на меня пылающий взгляд. — Осталось двадцать девять.

Он посмотрел на лестницу, по которой предстояло снова спускаться. Потом стер рукавом пот со лба и шагнул к двери. Я придержала его за рукав: хотела подразнить, а не загнать.

И в этот момент где-то глубоко внутри меня что-то дрогнуло.

— Не двадцать девять, — мягко сказала я, доставая из кармана чистый хлопчатобумажный платок и протягивая ему. — Норма для первой партии — пятнадцать. Больше растворный узел за смену все равно не переработает. Держите, утрите лоб, а то гипс схватится прямо на бровях.

Он посмотрел на платок в моей руке, потом на мое лицо. Медленно выпрямился, стянул пыльную перчатку с правой руки. На его ладони, у основания пальцев, уже алели содранные полосы и наливались первые потертости.

Он взял платок. Его пальцы на мгновение накрыли мои. Кожа была горячее как печной кирпич. Он утер лицо и сунул платок в нагрудный карман.

— Спасибо, Воронова, — хрипло произнес он, и в его голосе впервые за все утро не было яда. — Пошли вниз. Время — деньги.

К полудню парадный зал второго этажа наполнился гу-

стым, плотным запахом сырого мела, теплой пыли и застарелой извести. Сквозь высокие арочные окна, лишённые части стекол и затянутые армированной пленкой, пробивалось белесое осеннее солнце. Его лучи высвечивали в воздухе хоровод миллиардов танцующих белых пылинок.

Даниил закончил перетаскивание пятнадцатого мешка двадцать минут назад.

Сейчас он сидел на перевернутом деревянном ящике из-под гвоздей, вытянув длинные ноги и уронив руки между колен. Вид у блестящего девелопера и покорителя столичных башен был неопиcуемый. Серый парусиновый балахон покрылся бурыми пятнами, тончайший графитовый свитер взмок на спине и прилип к лопаткам, а замшевые ботинки за сорок тысяч рублей напоминали обувь землекопа после недельной смены в глиняном карьере.

Оранжевая каска по-прежнему гордо восседала на его голове с сильным креном на правое ухо. Каждый раз, когда он тяжело вздыхал, с ее пластикового козырька срывалась тонкая белая струйка алебаstra.

Он смотрел на свои ладони. Нитяные перчатки протерлись на костяшках, тонкая белая пыль въелась в поры, а на подушечках пальцев налились багровые мозоли. Однако в его позе не было позорной капитуляции. Напротив, в развороте плеч сквозило странное, угрюмое удовлетворение человека, который доказал самому себе, что может сломать любое препятствие.

Я стояла в четырех метрах над ним, на верхней рабочей площадке сборной алюминиевой вышки.

Под моими пальцами оживал уникальный лепной фриз Серебряного века. Это была широкая полоса причудливого растительного орнамента, бегущая под самым карнизом. Сплетенные стебли полевого выюнка, тяжелые сосновые шишки и женские маскароны с отрешенными, печальными ликами. Сто лет назад мастера лепили их вручную прямо по сырой штукатурке.

Сейчас центральный барельеф над каминной нишей находился в критическом состоянии. Глубокая температурная трещина рассекла тонкое гипсовое плечо речной нимфы, и массивный фрагмент весом добрых десять килограммов едва держался на ржавых проволочных анкерах.

— Воронова, — донесся снизу глуховатый голос Даниила. — Ты собираешься висеть под потолком до ночи? Или в твоей благородной секте спасателей трухи принято обедать?

Я осторожно провела тонким шпателем по кромке шва, счищая рыхлые наслоения старой краски.

— Если я сейчас отпущу этот сегмент, Даниил Александрович, он рухнет вниз и расколется на сотню осколков. Восстанавливать лицо нимфы по фотографиям придется два месяца. Так что обед подождет. Размешайте в круглом пластиковом тазу пять литров воды и три совка формовочного гипса. Только без фанатизма, венчиком работайте плавно, чтобы не нагнать пузырей воздуха.

Снизу послышалось тяжелое сопение. Затем скрипнули половицы.

Даниил поднялся на ноги, подошел к емкости с водой и взял короткий строительный шпатель. Он двигался чуть скованно, мышцы спины после подъема полутонны груза явно давали о себе знать, но он не произнес ни единой жалобы.

— Пять литров и три совка, — пробормотал он себе под нос, отмеряя сухой порошок мерной лопаткой. — Если бы совет директоров моего холдинга увидел меня с этим венчиком, котировки акций взлетели бы от безумия.

— Напротив, они бы поняли, что их руководитель наконец-то занялся созидательным трудом, — отозвалась я сверху, не отрывая взгляда от трещины. — Привяжите ведро к раствором к веревке и потяните блок. Только медленно.

— Слушаюсь, госпожа главный архитектор, — в его тоне мелькнула слабая искра привычной иронии, однако без прежней ядовитой злобы.

Он аккуратно закрепил карабин на ручке ведра и взялся за пеньковый канат. Я потянула веревку на себя, принимая свежесмешанную белую массу на верхний настил.

Даниил остался стоять внизу, у самого основания вышки, задрав голову вверх. Оранжевая каска снова съехала ему на лоб, и ему пришлось придерживать ее запястьем.

— Воронова, а почему именно этот дом? — вдруг спросил он. Голос его звучал непривычно тихо, отражаясь от пустых кирпичных стен зала. — В Москве полно особняков. Моя

компания на прошлой неделе снесла два доходных дома на Пресне под офисный квартал. Они были в два раза больше этого.

Моя рука со шпателем на секунду замерла в воздухе.

— Снесли? — переспросила я, почувствовав, как внутри закипает глухая профессиональная ярость.

— Там была аварийная кирпичная кладка, деревянные перекрытия сгнили, коммуникаций ноль. Дешевле построить монолитный комплекс со стеклянным фасадом и подземным паркингом на триста машиномест. Чистый бизнес.

— В этом ваша главная беда, Даниил Александрович. Вы видите только квадратные метры и рентабельность инвестиций. А этот дом строил купец Гурьев для своей жены. Она пела в частной опере Мамонтова. Здесь в зале была феноменальная акустика, под паркетом до сих пор лежит слой сухого морского песка для гашения вибраций. А этот фриз лепил итальянский мастер, приглашенный лично архитектором Кекушевым. Каждая шишка, каждый лист смоделированы вручную, у них нет повторов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.